

Леонтьева Тамара Ивановна, Филиппова Ольга Владимировна

ВЕРБАЛЬНОЕ И НЕВЕРБАЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЛОЖНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ РУССКОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX-XX ВВ.)

Статья посвящена межкультурному анализу важного психологического явления - ложного высказывания - в произведениях русской и английской художественной литературы. Исследуются вербальные и невербальные признаки коммуникативных речевых актов, включающих ложные высказывания, в двух культурах.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-1/30.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. I. С. 117-123. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. 81. Оп. 1. Д. 700.
2. Краткие бюджетные сведения по хуторским и общинным крестьянским хозяйствам Симбирской губернии // Исследование 1913 г. Симбирск: Тип. «Работник» М. Иванова и К^о, 1916. 216 с.
3. Крестьянские наказы Самарской губернии // Опыт собирания материалов русской революции / вступ. статьи А. А. Васильева и В. А. Кудрявцева. Самара: Тип. А. Н. Хардина, 1906. 88 с.
4. Основы жизни и деятельности церковных школ // Симбирские епархиальные ведомости. 1901. № 13. С. 459-462.
5. Отчет о состоянии Пензенского женского епархиального училища за 1893-1894 учебный год // Пензенские епархиальные ведомости. 1895. № 5. С. 45-53.
6. Приговоры и наказы крестьян Центральной России. 1905-1907 гг.: сб. док-тов / авт.-сост. Л. Т. Сенчакова; под ред. В. П. Данилова, А. П. Корелина. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 416 с.
7. Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России / сост. В. Н. Тенишев. Смоленск: Губернская типография, 1898. 229 с.
8. Пругавин А. С. Запросы народа и обязанности интеллигенции в области просвещения и воспитания. Изд. 2-е, доп. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1895. 560 с.
9. Рачинский С. А. Сельская школа. М.: Педагогика, 1991. 176 с.
10. Статистический обзор начального образования в Пензенской губернии за 1913-1914 у/г. Пенза: Паровая тип. лит. тов-ва А. И. Рапопорт и К^о, 1915. 175 с.
11. Фунтикова С. П. Библиотеки церковно-приходских школ: создание и деятельность // Народное образование в России: исторический альманах. М.: Народное образование, 2000. С. 240-244.

LIBRARY NETWORK DEVELOPMENT IN MIDDLE VOLGA PROVINCES IN THE SECOND HALF OF THE XIXTH - THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURIES AND SOCIAL-CULTURAL NEEDS OF PEOPLE

Ol'ga Vladimirovna Koshina, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of Native History
Mordvinian State University named after N. P. Ogarev
koshinaolga@rambler.ru

The author considers the factors of library network development in Middle Volga provinces in the second half of the XIXth - the beginning of the XXth centuries in the context of people's social-cultural needs and analyzes the dynamics of the increase of lower layers of people's demand for reading, the availability of libraries, the enlightening activity of zemstvos, peasant communities and other social structures, the ways of the distribution of literature and periodicals among lower layers of people, the censorial policy of educational department and Sacred Synod.

Key words and phrases: social-cultural needs; libraries; zemstvos; peasantry; librarians; primitivistic literature; mobile library assistants; censorship; periodicals; church-parish schools; national readings.

УДК 008.009:39; 008.351.858

Статья посвящена межкультурному анализу важного психологического явления - ложного высказывания - в произведениях русской и английской художественной литературы. Исследуются вербальные и невербальные признаки коммуникативных речевых актов, включающих ложные высказывания, в двух культурах.

Ключевые слова и фразы: менталитет народа; российское самосознание; дух нации; английский национальный характер; ложь; истина; вранье; мышление лгущего; вербальные и невербальные маркеры ложных высказываний.

Тамара Ивановна Леонтьева, к. пед. н., доцент

Ольга Владимировна Филиппова

Кафедра межкультурных коммуникаций и переводоведения

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

tamara.leontieva@gmail.com, mimfil@mail.ru

**ВЕРБАЛЬНОЕ И НЕВЕРБАЛЬНОЕ ВЫРАЖЕНИЕ ЛОЖНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ
В РАЗНЫХ КУЛЬТУРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ
РУССКОЙ И АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX-XX ВВ.)[©]**

Данное исследование проведено на средства Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., в рамках реализации мероприятия № 1.2.2 «Проведение научных исследований научными группами под руководством кандидатов наук».

Явление лжи обсуждается в разных культурах, это связано с тем, что лгут представители разных наций. Ложь – явление повсеместное. Ложь для одних - это защитный механизм, другие лгут из страха быть разоблаченными или наказанными, для третьих - это плод фантазии или милая шутка.

Проблемы лжи рассматриваются с позиций философии, психологии, лингвистики, культурологии, лингвокультурологии, социолингвистики и других наук. Представляется важным отношение к лжи немецкого философа И. Канта, который полагал, что искажение истины «должно быть названо ложью (пусть даже не в юридическом смысле)». Он утверждал также, что ложь «всегда вредна кому-нибудь, если не отдельному лицу, то человечеству вообще» [6, с. 257-258]. Феномен лжи изучают как отечественные, так и зарубежные исследователи. Так, русский философ В. С. Соловьев дает ему следующее определение: «Ложь - в отличие от заблуждения и ошибки - обозначает сознательное и потому нравственно предосудительное противоречие истине» [12, с. 911].

В обыденном сознании ложь обычно ассоциируется с негативным, социально неодобряемым действием - обманом, который определяют либо как синоним лжи, либо как процесс, порождающий ложь. Понятия «ложь» и «неправда» используются в качестве оценок информации, не вызывающей доверия. Однако в словарях русского языка ложь трактуется не только как неправда, обман, искажение истины, но и как выдумка, вымысел, фантазия и даже шутка, розыгрыш [3].

Ложь проявляется в конкретных ситуациях общения и представляет собой социокультурное явление. Отечественные ученые выделяют из понятия «ложь» вранье, указывая на снисходительное отношение к нему в обществе. Первым на него обратил внимание Ф. М. Достоевский, которого осенила мысль о том, что у нас в России могут лгать даже совершенно честные люди [4, с. 85].

В. В. Знаков отмечает, что вранье представляет собой социокультурный феномен, типичный для российского самосознания. Вранье - не столько средство преднамеренного искажения фактов, сколько способ установления контакта и сближения людей. Вранье, продолжает автор, не предполагает унижения слушателя и получения за его счет какой-то личной выгоды [5, с. 247].

Вранье настолько проникло в культуру и стало обычным, что оно широко представлено в отечественной литературе (герои-вруны в произведениях Гоголя, Чехова, Шукшина и др.). Вранье в русской культуре является способом приукрашивания действительности, желанием уйти от серой обыденности. Любой иностранец, гуляющий по Москве или Санкт-Петербургу, выскажет свое удивление, что в России на лицах застыло угрюмое, нерастоящее выражение, что люди мрачно смотрят на асфальт, а не на людей [17, с. 15]. По нашему мнению, каким бы бесхитростным ни казалось вранье, оно с точки зрения здравого смысла является ложью, т.к. его цель - исказить истину и в результате отказать партнеру по коммуникации в получении достоверной информации.

В англоязычной культуре, в отличие от русской, ложь рассматривается как нарушение прав человека, которому лгут. Нарушение прав человека недопустимо, и это правило глубоко укоренилось в западной общественной морали, где ложь рассматривается как одна из форм насилия над человеком.

Американский психолог П. Экман определяет ложь, или обман как «действие, которым один человек вводит в заблуждение другого, делая это умышленно, без предварительного уведомления в своих целях и без отчетливо выраженной со стороны жертвы просьбы не раскрывать правды» [16, с. 22-23].

Другой американский ученый С. Б. Уолтерс пишет, что ложь - это процесс когнитивный, ментальный. Введение в заблуждение или дезинформация собеседника - процесс сознательный. Обманывая, человек добивается определенной цели - получает личную выгоду, избегает каких-либо неприятных последствий или защищает себя или кого-то другого в ситуации, которая кажется ему непредсказуемой. Автор делает вывод о том, что решение обмануть принимает исключительно сам обманщик. И решение это сознательное и обдуманное [14, с. 21-22].

П. Экман, ссылаясь на Оксфордский словарь английского языка, отмечает, что в современном употреблении слово «ложь» обычно имеет оттенок ярко выраженного морального осуждения, и в вежливой беседе его стараются избегать, часто заменяя такими синонимами как «обман» и «неправда», имеющими относительно нейтральное звучание [16, с. 19]. Вероятно поэтому он не разграничивает понятия «ложь» и «обман», хотя эту позицию и не разделяют отечественные ученые (Знаков, Гладких, Попчук).

В каждой культуре есть ключевые понятия, отражающие менталитет народа. В русской культуре ключевыми понятиями являются **душа, судьба, совесть, воля, правда, вера, удаля, надежда, жалость, тоска** и др. (выделено автором) [10, с. 170]. Что касается американской и западноевропейских культур, то там основными ценностями являются усердный труд (ради дохода), склонность к перемене мест, практичность, важность успеха, индивидуализм, необходимость личного пространства, нарочитая (показная) вежливость. Для британской нации характерно особое отношение к природе, которое реализуется в особенностях «британского парка». Последний существенно отличается от «французского», основанного на «рациональной геометрии, на строгих линиях, подчинении природы разуму» [15, с. 32]. Р. Хилл называет англичан сентиментальной нацией, подчеркивая их особое отношение к английскому языку, воспитанию детей и, конечно же, английский юмор [18, р. 50-51]. Индивидуализм англичан и американцев прекрасно описан О. Уайльдом [22, р. 1043-1046]. Все эти ценности выражаются в языковом запасе нации, в текстах различных типов, в том числе и художественных, являющихся материалом данного исследования. Опыт представителей наций, их язык, национальный характер отражаются в литературе, а наиболее ярко в художественной литературе. Для анализа отобраны диалоги художественных произведений, так как в них зачастую создается модель реальной речевой ситуации. Из всего корпуса художественных текстов были выбраны диалоги, содержащие ложные высказывания. В данных актах речевой коммуникации участники разговора прибегают к обману, вранью, хитрости, шутке. Каковы средства вербального и невербального выражения ложных высказываний в двух культурах? Необходимость ответа на этот вопрос определила объект и предмет исследования.

Объектом исследования данной статьи является ложное высказывание как компонент системы отказа партнеру по коммуникации в праве на получение достоверной информации или информации как таковой в художественном тексте (на материале произведений русской, английской и американской литературы XIX-XX вв.). Предмет исследования составляют вербальные и невербальные средства реализации ложного высказывания и особенности функционирования этих средств в акте коммуникации.

Поиск фрагментов текстов проводился методом сплошной выборки (около 150 п. л. анализируемых текстов и 80 фрагментов текстов-диалогов, 6 из которых включены в данную статью).

Анализ фактического материала проводился с применением комплексной методики исследования, сочетающей анализ лингвистических (вербальных, словесных) и паралингвистических (невербальных) средств выражения ложных высказываний, литературоведческого и стилистического изучения художественного текста, лингвокультурологического подхода.

Под ложным высказыванием понимается высказывание, в котором действительное положение вещей намеренно передается в искаженном виде [8, с. 35]. О. М. Попчук, исследуя ложные высказывания в русской диалогической речи, конкретизирует это определение: «высказывание, намеренно искаженно описывающее действительное положение вещей с целью ввести в заблуждение партнера по коммуникации» [11, с. 7].

При определении ложного высказывания представляется важным тот факт, что ложь, как подчеркивает А. Р. Лурия, изменяет мышление говорящего, оно строится по другому принципу. Это другое мышление «имеет свои формы, свои правила, свои приемы» [9, с. 92], которые могут быть обнаружены в процессе лингвистического и психологического анализа продуцируемых высказываний.

Принимая во внимание вышесказанное, считаем целесообразным предложить следующее определение ложного высказывания: ложное высказывание - это высказывание, намеренно передающее информацию в искаженном виде и сопровождающееся изменением мыслительной деятельности говорящего, которое, в свою очередь, приводит к изменению его невербального поведения.

Речевая коммуникация рассматривается как процесс взаимодействия равноправных партнеров, в котором «адресат имеет право на получение полноценной информации в акте коммуникации, а адресант (источник информации) обладает правом не признавать этого права адресата» [11, с. 9].

Ложные высказывания могут принимать форму прямого отказа партнеру по коммуникации в праве на получение информации, что проявляется в категорическом нежелании начинать или продолжать разговор. Косвенный отказ характеризуется либо молчанием, либо иным способом игнорирования вопроса. Что касается потенциального отказа, то он связан с переключением внимания партнера по коммуникации с проблемной информационной зоны [Там же, с. 15]. Единство и взаимодействие вербальных и невербальных средств является основой функционирования ложных высказываний.

Теперь обратимся к анализу ложных высказываний трех типов в вербальном и невербальном аспекте.

1. Прямой отказ - это такой отказ, в котором заявляется о невозможности выдачи запрашиваемой информации. При этом причины отказа могут объясняться или не объясняться адресату.

Примером может служить разговор между Долли и Анной. Героини касаются очень личной проблемы, которую не принято обсуждать в аристократическом обществе. Этим вызван отказ Анны продолжать разговор.

- *Так тем более тебе надо устроить свое положение, если возможно, - сказала Долли.*

- *Да, если возможно, - сказала Анна вдруг совершенно другим, тихим и грустным голосом.*

- *Разве невозможен развод? Мне говорили, что муж твой согласен.*

- *Долли! Мне не хочется говорить про это.*

- *Ну, не будем, - поспешила сказать Дарья Александровна, заметив выражение страдания на лице Анны.*

- *Я только вижу, что ты слишком мрачно смотришь* [13, с. 227-228].

Полужирным шрифтом выделено высказывание, содержащее средство прямого отказа адресата. К вербальным средствам относится восклицание, с которого начинается отказ. Оно поддерживается негативной конструкцией «не хочется говорить». Невербальные средства (подчеркнуты) сводятся к изменению тона голоса Анны, ее тихой и грустной речи, свидетельствующей о глубине и серьезности ее переживаний, о неопределенности ее положения.

Согласно этическим нормам поведения в русском обществе XIX века, было не позволительно открыто выражать свои эмоции, хотя Анну угнетает интерес со стороны общества к ее личным проблемам. Ее снедает жалость к самой себе, она мучается угрызениями совести (*выражение страдания на лице*), отсюда тоска, мрачное настроение, на которое обращает внимание Долли.

Рассмотрим английский пример. Это фрагмент диалога отца и сына Хантеров из рассказа С. Моэма "The Fall of Edward Barnard" (Падение Эдварда Барнарда). Сын должен был привезти с острова Таити своего друга Эдварда в Чикаго, где его ждала невеста. Тема эта очень непростая, и отец долго не решается спросить об Эдварде, но все-таки произносит:

"You haven't brought Edward Barnard back with you."

"No."

Bateman was silent for a moment, and his handsome sensitive face darkened.

"I'd sooner not speak about him, dad," he said at last.

"That's all right, my son. I guess your mother will be a happy woman today" [19, p. 168].

В разговоре между отцом (адресант) и сыном (адресат) полужирным шрифтом выделен прямой отказ адресата говорить на предложенную тему, курсивом отмечены невербальные средства планируемого отказа. Следует

отметить изысканную вежливость англичан даже в форме выражения прямого отказа (полужирный шрифт), что грамматически выражается с помощью модального выражения "I'd sooner not + V", значение которого не столь резко и категорично, как, например, русское «Давай не будем об этом говорить». Кроме того, отказ сделан с помощью сослагательного наклонения, что является типичным для представителей англоязычной культуры.

Невербальные средства, используемые автором (подчеркнуты), свидетельствуют о том, что тема, затронутая отцом в разговоре, очень нелегка для адресата, его сострадание «погибающему», по его понятиям, другу выражено с помощью описания его изменившегося настроения (*Бэйтмен помедлил, его красивое, тонкое лицо омрачилось*), это невербальные средства эмблематического характера (изменяется выражение лица). Кроме того, выражение *at last (наконец)* передает волнение сына перед возможностью вопроса о его друге и, конечно же, нежелание отвечать на вопрос.

Различие культур проявляется в менее категоричном тоне высказывания в английском диалоге: ср. «Мне не хочется говорить про это» и "I'd sooner not speak about him, dad".

2. Косвенный отказ партнеру по коммуникации в получении полноценной информации может осуществляться с помощью встречного вопроса, псевдонепонимания того, о ком/чем идет речь и т.д. Необходимо добавить, что способом выражения лжи являются также полуправда или двусмысленность [5, с. 252], которые реализуются в определенном контексте.

В следующем диалоге из рассказа И. А. Бунина «Митина любовь» молодой барчук договаривается с деревенской девушкой об интимном свидании, чувствуя себя стесненно и неуверенно. Его стеснение особенно ярко на фоне развязного поведения опытной молодой женщины, которая глядит на него то с удивлением, то с усмешкой (невербальный контекст).

Митя соскочил с порога и побежал по цветам и травам в лес. Лес спускался в каменистый овраг. В овраге стояла и ела баранчики Аленка. Митя надбежал над обрыв и остановился. Она снизу глядела на него удивленными глазами.

- *Что ты тут делаешь?* - спросил Митя **негромко**.

- *Маруську нашу с коровой ишу. А что?* - ответила она **тоже негромко**.

- **Что ж, придешь что ли?**

- **Что ж мне даром ходить?** - сказала она.

- **Кто ж тебе сказал, что даром?** - спросил Митя уже **почти шепотом**. - Об этом не беспокойся.

- *А когда?* - спросила Аленка.

- *Да завтра... Ты когда можешь?*

Аленка подумала.

- *Я завтра пойду к матери овцу стричь, сказала она, помолчав, осторожно оглядывая лес на бугре за Митей. - Вечером, как стемнеет, и приду. А куда? На гумно нельзя, зайдет кто-нибудь... Хотите, в салаи в лощине у вас в саду? Только вы смотрите, не обманите, даром я не согласна... Это вам не Москва, - сказала она, засмеявшимися глазами глядя на него снизу, - там, говорят, бабы сами плотят...* [1, с. 66].

Полужирным шрифтом выделено высказывание, содержащее средства косвенного отказа на получение запрашиваемой информации. Неуверенность Мити подчеркивается автором с помощью таких вербальных средств как повтор вопросительного слова «что» и частиц «ж», «ли». Аленка отвечает на вопрос вопросом, не давая прямого ответа и преследуя свою выгоду. Митя поддерживает эту игру, в свою очередь, отвечая на ее вопрос вопросом, и тем самым выдавая свое волнение. Это волнение вызвано не предстоящим свиданием, а неопределенностью отношений с любимой девушкой, оставленной им в Москве. С одной стороны, его пугает, а с другой, притягивает то неизведанное, что происходит между мужчиной и женщиной.

Психофизиологическое состояние коммуниканта выражено с помощью таких невербальных маркеров как тихий голос, доходящий до шепота.

Приведем пример из художественного произведения другой культуры, романа С. Мозма «Театр». Это диалог между актрисой Джулией и директором театра, в котором она служит, Джимми Лэнгтоном. Адресант (Лэнгтон) отказывает партнеру по коммуникации в получении достоверной информации, при этом он клянется, что говорит чистую правду.

Julia went up to him and stared into his eyes searchingly.

"Have you done all this to get me to stay on for another year? Have you broken my heart and ruined my whole life just to keep me in your rotten theatre?"

"I swear I haven't. I like you and I admire you. And we've done better business the last two years than we've ever done before. But damn it, I wouldn't play you a dirty trick like that."

"You liar, you filthy liar."

"I swear it's the truth."

"Prove it then," she said violently.

"How can I prove it? You know I'm decent really" [20, p. 53].

Это косвенный отказ со стороны директора театра дать Джулии истинную информацию о его действительных намерениях. Чтобы убедить партнера по коммуникации (Джулию), он дважды повторяет одну и ту же фразу (I swear), настаивает на своем. Неразвернутое ложное высказывание "I swear I haven't" блокирует выдачу запрашиваемой информации о том, что адресант причастен к тому, что ее жених, актер Майкл уезжает на год по контракту в Америку. Лэнгтон меняет тему разговора: льстит, восхищается Джулией, готов пойти на некоторые уступки, чтобы отвлечь ее от действительного положения вещей. Этой же цели служит

многословие: директор выдает слишком много ненужной информации. Когда Джулия требует доказательств, он задает встречный вопрос: "How can I prove it?" и вновь переходит к другой теме, начиная говорить о своей порядочности: "You know I'm decent really."

Вербальный контекст, включающий сниженную лексику (*damn it, filthy liar, a dirty trick*) позволяет предположить невербальные средства коммуникации. В данном случае это повышение тона, выдающее гнев и раздраженное состояние одного из участников разговора и страх перед разоблачением другого.

Способы отражения ложных высказываний в двух культурах аналогичны. Партнеры по коммуникации воспринимают реальность примерно одинаково: волнение, стыд, раздражение, возмущение требуют определенной языковой реализации. Общими способами можно назвать встречный вопрос, многословие, повтор, использование элементов фольклора, вопросительных слов; изменение темы разговора, уклончивый ответ. В примерах данного вида отказа англичане, по сути своей люди вежливые, могут в своих высказываниях использовать нестандартную лексику. Это происходит в сценах неудовольствия, раздражения, гнева.

3. Потенциальный отказ в праве на получение информации заключается в том, чтобы «не подпустить» партнера по коммуникации к проблемной информационной зоне, или переключить внимание партнера с проблемной информационной зоны. Под проблемной информационной зоной коммуниканта понимается информация, которой владеет данный коммуникант, связанная для него с чувством стыда, вины, а также с вероятностью понести наказание в случае ее сообщения партнеру по коммуникации. «Проблемность» в данном случае является относительным понятием, поскольку проблемная информационная зона коммуниканта может быть ориентирована на конкретного партнера по коммуникации и изменяться со сменой адресата [11, с. 14].

Каковы средства реализации потенциального отказа?

Чтобы проиллюстрировать этот вид отказа, рассмотрим диалоги из художественных произведений двух культур. В рассказе И. А. Бунина «Митина любовь» мать, заботясь о досуге сына, решается поговорить с ним об этом. Ей хочется, чтобы он познакомился с каким-нибудь почтенным семейством, где есть дочери на выданье.

- Ты спрашивала меня, мама?

- Да нет, я просто хотела тебя видеть. Я ведь теперь почти никогда, кроме обеда, не вижу тебя, - ответила Ольга Петровна, не прерывая работы и как-то особенно, не в меру спокойно.

- Митя вспомнил, как девятого марта Катя сказала, что она почему-то боится его матери, вспомнил тайное очаровательное значение, которое, несомненно, было в ее словах... Он неловко пробормотал:

- Но ты, может, хотела что-нибудь сказать мне?

- Ничего, кроме того, что мне кажется, что **ты что-то заскучал в последние дни**, сказала Ольга Петровна. - **Может, проехался бы куда-нибудь... к Мещерским, например... Полон дом невест**, - прибавила она, улыбаясь, - и вообще, по-моему, **очень милая и радушиная семья**.

- Как-нибудь на днях с удовольствием съезжу, - с трудом ответил Митя. - **Но пойдем чай пить, там так хорошо на балконе...** Там и поговорим, - сказал он, отлично зная, что мама, по своему проницательному уму и по своей сдержанности, не будет больше возвращаться к этому бесполезному разговору [1, с. 52].

Интересно отметить, что в данной ситуации сын и мать пребывают в полном спокойствии. Это вполне объяснимо: никто из них еще не подозревает о надвигающейся трагедии, а российская деревня располагает к уюту и спокойствию. Тем не менее, мать не совсем уверена в будущем сына, чувствует, что он одинок и пытается завести с ним разговор. А он наполнен любовью к московской девушке Кате и даже в этот момент, глядя на мать, вспоминает слова Кати. «Вспоминанье слишком давит плечи», и он говорит невнятно, хрипло, авторская ремарка «*неловко пробормотал*» весьма красноречива, тон его голоса низок и свидетельствует о неловкости, которую он испытывает от встречи с ней. На ее пожелание отправить его к Мещерским, где «полон дом невест», он отвечает ложным обещанием, контекст подсказывает, что ему не до этого. Еще одна авторская ремарка служит тому подтверждением: «*с трудом ответил Митя*». Тут же он отвлекает внимание матери от этой темы, приглашая ее пить чай на балконе. Для его речи характерно некоторое многословие «...там так хорошо на балконе», он спешит об этом сказать, осуществляя таким образом уход от проблемной информационной зоны. Здесь следует обратить внимание на некоторое молчание Мити после этой фразы, которое выражается апозеопезисом, обозначаемым в письменном тексте многоточием. Молчание в качестве невербального компонента имеет такое же коммуникативное значение, как и вербальный, в эту паузу Митя мучительно подбирает слова. Цель молчания в процессе коммуникации становится понятной из ситуации общения [2, с. 31] и более или менее преодолена им.

Нравственные муки, испытываемые молодым влюбленным, не могут быть выражены прямо, и он пользуется возможностью отодвинуть серьезный разговор на неопределенное время. Авторский текст разъясняет его намерение: он уверен в тактичности матери и надеется на то, что его неискренность не будет раскрыта.

Потенциальный отказ выделен полужирным шрифтом, авторские комментарии по невербальному поведению Мити выделены курсивом.

Обратимся к примеру потенциального отказа из романа Дж. Б. Пристли "Angel Pavement" (Улица ангела).

Лина Голспи объявляет Тарджису о том, что ее отец уезжает из Лондона.

"...he says he doesn't like London, and he's going away soon."

"Is he?" Turgis stared at her. "What — how do you mean 'soon'?"

"Oh, quite soon," she replied carelessly. Then she remembered something. "Look here, I may be wrong though. And you mustn't say anything to anybody, will you? Promise you won't."

"All right, I won't. But if he went," Turgis continued, regarding her earnestly, "would you go too?"

"Oh, that's it, is it?"

"Yes, it is. You wouldn't be going, would you?"

"I might — pass me a cigarette, will you? — and then again, I might not. It all depends. But look here, if my father knew I'd be saying anything, he'd be furious, and though he usually lets me have my own way, when he's really furious, he's hellish, I can tell you" [21, p. 281].

Узнав от Лины, что ее отец уезжает, юноша терзается мыслью, не уедет ли она вместе с ним. Девушка, равнодушная к нему и его ухаживаниям, ведет нечестную игру. Она понимает, что говорит неприятные для Тарджиса вещи, особенно о том, что отъезд будет скорым, повторяет это убийственное для него слово «soon». Для нее более чем понятно то, что Тарджис безумно влюблен и не хочет с ней расставаться: в свой вопрос «You wouldn't be going, would you?» он вкладывает все свои надежды, беспокойство, предчувствие беды и жаждет положительного для себя решения. Лина уходит от ответа с помощью туманной фразы «I might». Она быстро меняет тему разговора и просит у Тарджиса сигарету. Таким образом Лина уклоняется от необходимости говорить правду. Налицо не только неискренность, но и явное сокрытие правды. Это подтверждается антонимической фразой «...and then again, I might not», имплицатурой которой является «Ишь какой, так я тебе все и скажу!». Ложные высказывания всегда сопровождаются имплицатурами, распознать которые помогает вербальный и невербальный контекст.

Пользуясь еще одной уловкой для отвлечения партнера от проблемной информационной зоны, она, якобы вспомнив о чем-то, призывает Тарджиса к молчанию об этом, чтобы никто не догадался о том, что ее отец собирается прибрать к рукам капитал компании и благополучно исчезнуть.

Ложь может вызывать положительные эмоции, лжец может испытывать радостное возбуждение «либо от вызова, либо непосредственно в процессе обмана, когда успех еще не совсем ясен» [16, с. 65]. В данном диалоге восторг надувательства испытывает Лина. Невербальные признаки паралингвистического характера свидетельствуют о том, как она спокойна и уверена в себе ("She replied *carelessly*"). Что касается объекта ее обмана, Тарджиса, то он очень взволнован. Юноша заикается, его речь от волнения звучит отрывисто ("What - how do you mean 'soon'?") у него изменилось выражение лица, он не просто смотрел на Лину, а уставился на нее в молчаливом оцепенении (*stared at her; regarding her earnestly*).

Как следует из анализа примеров потенциального отказа, неуверенность в обеих культурах вербально выражается с помощью неудачного подбора слов, нарушениями синтаксиса, логическими противоречиями и, как результат, полным провалом коммуникации. Отсутствие логики сопровождает и тех, кто продуцирует ложные высказывания, как это делает Лина Голспи, однако она достигает своей цели: сообщает ужасную новость и заставляет адресата молчать о ней. Невербальные признаки также схожи, поскольку волнение и неуверенность в себе находят свое выражение в заикании, изменении выражения лица, ухудшении настроения, жестах, выдающих нервозность.

В результате проведенного нами исследования на материале русских и английских художественных произведений были выявлены сходства и различия в вербальном и невербальном выражении ложных высказываний. Национальный характер проявляется в коммуникативных ситуациях. Если для русских открытое выражение чувств естественно, то для англичан, людей сдержанных, это несвойственно. Они прибегают к открытому выражению чувств только в ситуациях, вынуждающих их к этому.

Комплексный анализ вербального и невербального контекстов убеждает в том, что при продуцировании ложных высказываний как русские, так и представители английской нации изобличают себя своим поведением. У лучшего человека меняется мышление, ему приходится перестраивать свои мысли, менять тактику разговора, проявляя непоследовательность и нелогичность. Однако в этой непоследовательности есть своя логика, так как цель высказывания - ввести адресата в заблуждение.

В русской культуре ложь чаще сводится к вранью, которое вполне допустимо и морально не осуждается. Вранье простительно, потому что в России оно обусловлено социальными, экономическими и чисто человеческими факторами. Русские лгут и прощают друг другу ложь, так как их цель - установить контакт, поддержать разговор, похвастаться и т.д. Характерная особенность английского национального самосознания состоит в том, что ложь вредна и люди прибегают к ней лишь в экстремальных ситуациях. Дезинформация, введение в заблуждение, лицемерие осуждаются представителями англоязычной культуры, считается, что лгут только не чистые на руку люди.

Исследование феномена лжи остается актуальной проблемой для выявления коллективного и индивидуального отношения ко лжи в разных культурах. Необходим комплексный подход к изучению вербальных и невербальных маркеров лжи специалистов в области психологии, культурологии, филологии и других наук для получения новых знаний и достижения взаимопонимания между народами и государствами.

Список литературы

1. Бунин И. А. Митина любовь // Роза Иерихона / сост., предисловие, примеч. О. Михайлов. М.: Панорама, 1994. 512 с.
2. Власова Т. М. Молчание как коммуникативно-значимый компонент общения // Культурно-языковые контакты: сборник науч. трудов. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. Вып. 10 / отв. ред. З. Г. Прошина. С. 27-39.
3. Грачев Г., Мельник И. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия [Электронный ресурс]. URL: http://polbu.ru/grachev_manipul/ch44_all.html (дата обращения: 26.03.11).
4. Достоевский Ф. М. Нечто о вранье // Дневник писателя. М., 1989. С. 84-93.

5. **Знаков В. В.** Послесловие. Западные и русские традиции в понимании лжи: размышления российского психолога над исследованиями Пола Экмана // Экман П. Психология лжи / под науч. ред. В. В. Знакова; пер. с англ. Н. Исуповой, Н. Мальгиной, Н. Миронова, О. Тереховой. СПб.: Питер, 2009. С. 243-266.
6. **Кант И.** О мнимом праве лгать из человеколюбия (1797) / пер. с нем. Н. Вальденберга // Кант И. Трактаты и письма. Собр. соч. Юбилейное издание (1794-1994): в 8-ми т. / под общ. ред. А. В. Гулыги; пер. с нем. Н. Вальденберга, Т. Васильевой, А. Гулыги и др. М.: Чоро, 1994. Т. 8. С. 256-262.
7. **Коноваленко М. Ю.** Ложь в общении. Как защитить себя от обмана. М.: ТЦ Сфера, 2001. 96 с.
8. **Леонтьев А. А.** Речь в криминалистике и судебной психологии / А. А. Леонтьев, А. М. Шахнарович, В. И. Батов. М.: Наука, 1977. 62 с.
9. **Лурья А. Р.** Экспериментальная психология в судебно-следственном деле // Советское право. 1927. № 2 (26). С. 11-15.
10. **Матвеева Т. В.** Полный словарь лингвистических терминов. Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. 562 с.
11. **Попчук О. М.** Лингвистические и паралингвистические средства реализации ложного высказывания в акте коммуникации: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2006. 27 с.
12. **Соловьев В. С.** Ложь // Энциклопедический словарь / изд. Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. СПб., 1896. Т. XVII а.
13. **Толстой Л. Н.** Анна Каренина // Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 12-ти т. М.: Правда, 1987. Т. 8. 510 с.
14. **Уолтерс С. Б.** Правда про ложь / пер. с англ. Т. Новиковой. М.: Эксмо, 2010. 272 с.
15. **Шестаков В. П.** Английская литература и английский национальный характер. СПб.: Нестор-История, 2010. 312 с.
16. **Экман П.** Психология лжи / под науч. ред. В. В. Знакова; пер. с англ. Н. Исуповой, Н. Мальгиной, Н. Миронова, О. Тереховой. СПб.: Питер, 2009. 270 с.
17. **Экономакис Э.** Какие мы разные! СПб.: КАРО, 2001. 224 с.
18. **Hill R.** We Europeans. Brussels: Europublications, 1992. 354 p.
19. **Maugham W. S.** Rain and Other Short Stories. M.: Progress Publishers, 1977. 407 p.
20. **Maugham W. S.** Theatre. M.: Менеджер, 2004. 304 p.
21. **Priestley J. B.** Angel Pavement. M.: Progress Publishers, 1974. 504 p.
22. **Wilde O.** The Soul of Man under Socialism // Collected Works of Oscar Wilde. Ware, Hertfordshire: Wordsworth Editions, 1997. 1098 p.

**VERBAL AND NON-VERBAL EXPRESSION OF FALSE PROPOSITIONS IN DIFFERENT CULTURES
(BY THE MATERIAL OF FICTION OF RUSSIAN AND ENGLISH LITERATURE OF THE XIXTH-XXTH CENTURIES)**

Tamara Ivanovna Leont'eva, Ph. D. in Pedagogy, Associate Professor
Ol'ga Vladimirovna Filippova
Department of Intercultural Communications and Translation Theory
Vladivostok State University of Economics and Service
tamara.leontieva@gmail.com, mimfil@mail.ru

The article is devoted to the intercultural analysis of an important psychological phenomenon - false proposition - in the works of Russian and English fiction. The authors research the verbal and non-verbal features of communicative speech acts including false propositions in the two cultures.

Key words and phrases: mentality of nation; Russian self-consciousness; spirit of nation; English national character; falsehood; truth; lies; thinking of a lying person; verbal and non-verbal markers of false propositions.

УДК 14

Статья раскрывает содержание сказки как метаязыкового феномена в контексте семиотики события. Рассматривается феноменология мифологического мышления как семиотическая проблема. Автор исходит из концепции циклического становления мифологического имени (А. Ф. Лосев, Я. Э. Голосовкер).

Ключевые слова и фразы: сказка; метапозиция; мифологическое имя; целокупный образ.

Владислав Борисович Малышев, к. пед. н., доцент
Кафедра философии
Самарский государственный технический университет
vlmaly@yandex.ru

СКАЗКА КАК ФЕНОМЕН ЕСТЕСТВЕННОГО МЕТАЯЗЫКА: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ®

Из исследований мифологической школы, а также различных школ психологии известно, что чаще всего назначение того или иного фольклорного текста охватывает чисто практическую область - его цель ритуальная, воспитательная или какая-либо еще. Философия создает семиотические оппозиции, которые задают бинарный способ восприятия мира. Тожественное и иное, бытие и инобытие, земное и небесное, священное и мирское. «Зеркальному» миру взрослых противостоит «азеркалье» ребенка. Мощнейшая архетипическая